

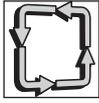
Философии родительного падежа и междисциплинарные исследования: возвращение к дискуссии

В.К. ШОХИН

1. В 2005 г. Владимир Натанович Порус опубликовал в настоящем периодическом издании доклад, актуальность которого трудно переоценить. Речь шла не меньше как о месте, которое в ряду «наук о науке» может занять в настоящее время философия науки (далее – ФН). Момент «настоящего времени» является для автора ключевым: если еще в сравнительно недавнем прошлом ФН могла и отваживалась брать на себя бремя теории науковедения, то сейчас оно, по мнению автора, рационально и равномерно распределяется по отдельным науковедческим специализациям, что оставляет без ясного ответа вопрос о том, нужна ли при них еще и ФН, и если все-таки да, то что она может прибавить к тому, чем заняты они¹.

То, что тему доклада трудно переоценить (как я только что отметил), обуславливается тем, что ФН относится к целому классу философских дисциплин, которые иногда называют философиями чего-то, а я предпочитаю называть их философиями родительного падежа, и пространство, занимаемое ими на карте философских дисциплин, все более расширяется. Достаточно сказать, что в современный индекс академических дисциплин США (на 2008 г.) включались среди «философий чего-то» философия языка, науки, биологии, физики, когнитивной науки, религии, социальной науки, математики, действия (включая проблему свободы воли), права, искусства. Помимо них широкое признание в обеих «частях» западной философии – и англо-американской и европейско-континентальной – получили филосо-

¹ Порус В.Н. К вопросу о междисциплинарности философии науки // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. IV, № 2. С. 54–76.

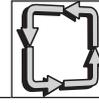


фия образования и политики, а во второй еще и философия культуры. Имеет ли и к ним отношение проблема, которая встревожила В.Н. Поруса в связи с ФН?

Несомненно имеет, притом по определению. Определение же это состоит в том, что философии родительного падежа суть такие философские регионы, предметности которых не *заданы* самой философией, но *даны* ей извне. Например, категории бытия и соответственно небытия не были преданы философам, разрабатывавшим онтологию (начиная с Парменида), в «объективной действительности», но они продуцировали их своей рефлексией сами, равно как и категории эпистемологии и этики создавались самими эпистемологами и этиками, тогда как объекты философов науки, искусства, права, религии, культуры и т.д. ими не создавались, но, будучи сами по себе «нефилософского происхождения», стали предметами того, что я бы назвал *вторичной философской рефлексией*². Иными словами, если воспользоваться очень образным сравнением Л. Витгенштейна, базовые разделы философии можно было бы уподобить игре в шахматы, изобретению которой не предшествовало «объективное» существование шахматных фигур (создаваемых через саму игру), тогда как философия игр должна была бы с необходимостью предполагать и правила и фигуры уже в наличности. Однако не всякие терминологические сочетания, в которых фигурирует «философия чего-то», обозначают интересные нас философские дисциплины. Например, когда Ф. Бэкон разрабатывал свою философию индивида и философию общества, Т. Гоббс философию человека и философию гражданства, а Гегель философию природы и философию субъективного, объективного и абсолютного духа (последняя распределялась на философию искусства, философию религии и философию философии), то мы еще не выходим за пределы *внутреннего развертывания* соответствующих философских систем. А потому с *внефилософскими областями знания*, работавшими с теми же предметами, но только «эмпирическими методами», соответствующие разделы философских систем не координировались, а если и совпадали, то по счастливой случайности³. Когда же в XVIII в. начали создаваться философии родительного падежа (такowymi оказались философия истории Вольтера и И. Гердера, философия религии З. фон Шторхенау и Ф. Парадью Фанжаса, философия права Ф. Бутервека), то те, кто их разрабатывал, опирались на достижения представителей соответствующих областей знания (соответственно историков и этнологов, теологов, правоведов). А если это так, то вопрос о «территориальных проблемах»

² См.: Шохин В.К. Введение в философию религии. М.: Альфа-М., 2010. С. 228–229.

³ Один из наиболее ярких примеров – предвосхищение в гегелевской «философии природы» таблицы Менделеева.



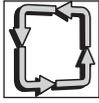
ФИЛОСОФИИ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

каждой из таких философий с пограничными дисциплинами необходимо должен быть острым для каждой из них, а не только для ФН.

Поскольку никто до В.Н. Поруса, насколько мне позволяет судить моя скромная эрудиция, не поставил вопрос об этих «территориальных проблемах» на своем материале с сопоставимой ясностью и прямоотой, я позволю себе вначале выделить основные тезисы его доклада и те реакции на него, которые были изданы вместе с его текстом (это тем более оправданно, что соответствующие тексты вышли пять лет назад – для настоящего времени срок немалый), затем подвергну их оценке и, наконец, предложу и некоторые собственные соображения по обсуждаемому вопросу о «спорных территориях».

2. Порус предлагает мысленный эксперимент в виде картины современной бригады ученых, включающей социолога, психолога, логика, когнитолога, лингвиста, специалиста по менеджменту, политолога, экономиста и еще кого-нибудь, также занимающегося наукой. Должна ли эта бригада испытывать потребность еще в философе науки или в том, чтобы сделать его участником своего гранта? Ответ может быть однозначно отрицательным. Что бы этот философ науки мог предложить «бригаде», кроме формулировок общенаучной картины мира, предпосылок научного мышления, анализа и прояснения понятий и теорий науки, метанаучной методологии, проводящей демаркацию между наукой и ненаукой и подобного рода «старого добра»?⁴ Помимо того что «бригаде» ученых нечего было бы особенно с этим добром делать (при «мануфактурном» разделении конкретного труда между конкретными специалистами), сами эти проблемы, с одной стороны, оказываются уже лишь достоянием прошлого, с другой – в той мере, в какой они заслуживают какой-то еще интерес, – могут успешно решаться и нефилософами. Так, стремление к построению единой научной картины мира, системообразующее для рационализма XVII–XVIII вв., восходит к синтезу античного логоцентризма и христианского монотеизма (единый Бог – единая истина) и соответствует программе науки как «богословию Нового времени». Когда же в настоящее время интерес к этой проблеме возрождается, раздваиваясь на задачу идеологическую (противостояние иррациональности) и методологическую (построение метанаучной теории), то первая наталкивается на проблематичность самой рациональности, а вторую успешно выхватывают из рук философов другие специалисты – историки науки и культурологи. Что следует понимать под предпосылками научного мышления, в настоящее время установить сложнее, чем в прежние времена (не совсем понятно, о каком субъекте научного знания идет речь – абстрактном или социаль-

⁴ В докладе рассматривается (как «типичная») схема задач ФН, представленная в энциклопедической статье: *Касавин И.Т., Пружинин Б.И.* Философия науки // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 219.



но-культурном). Исследованием и улучшением языка науки теперь также занимается, – подчеркивает Порус, – не столько философия науки, сколько «формальная методология». Наконец, проблема создания общей теории науки является и сама по себе невероятно громоздкой и неуклюжей и соответствует установкам только самой некачественной, эклектической философии. В итоге ФН оказывается перед дилеммой: она вынуждена либо паразитировать на достижениях конкретных науковедческих дисциплин, либо искать себе такую территорию, которая и не была бы занята последними и сама представляла бы собой нечто достойное. В первом случае ФН должна соглашаться на «эвтаназию» и продолжать жизнь только в учебниках по истории ФН, во втором ей следует отказаться от мимикрии под «научную междисциплинарность».

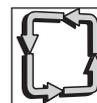
Порус предпочитает второй путь (эвтаназии никто не хочет!) и находит выход в адаптации к ФН концепции В.М. Межуева, согласно которой философия является основной формой самосознания европейской культуры и только в античной Греции человек стал на путь познания истины, для которого требовался диалог свободных людей, точнее «рациональный язык общения и публичной дискуссии лично свободных людей». Хотя Порус считает упреки Межуева в европоцентризме необоснованными, его обобщение межуевской концепции звучит так: «Конечно, в этом смысле мудрецы и пророки Востока не являются философами, а сама философия жива только до тех пор, пока сохраняет свой смысл *проблема свободы*»⁵. Применяя межуевскую концепцию к своей теме, он идентифицирует ФН как форму самосознания науки, а слегка модифицируя межуевскую метафору, пишет, что ФН делает науку зеркалом человека. Этих зеркал может быть много, и «научное» – лишь одно из них. ФН есть философия, а потому у нее может быть только один предмет – человек, но человек *suī generis*, осуществляющий познавательную деятельность в форме науки. Итак, можно поставить точку в обсуждении вопроса о задаче ФН: таковой должно быть рассмотрение «условий, смысла и форм человеческой свободы в сфере научного познания»⁶. В этом смысле она оказывается и одним из оснований философской антропологии. Это «солломоново решение» проблемы с основной задачей ФН поможет, как надеется Порус, расстаться (или по крайней мере осознать, что это нужно сделать) и с постоянными комплексами философов относительно своей «научности».

Каждый из участников дискуссии по докладу⁷ высказался о том, что у него наболело по теме обсуждения: кто-то почувствовал облегчение от того, что не только в его области знания, но и в ФН обнару-

⁵ Порус В.Н. Указ. соч. С. 66.

⁶ Там же. С. 67.

⁷ См.: Там же. С. 68–73.

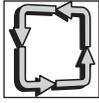


живается «хаос»; кто-то обеспокоился тем, как члены ВАКа могли бы отреагировать на сомнения относительно состояния ФН в связи с нововведенным кандидатским экзаменом (по истории науки и ФН); кто-то вспомнил об идее Б. Рассела о том, что философия занимает «ничейную территорию» между теологией и наукой, и предложил, чтобы ФН занималась различными уровнями рефлексии и саморефлексии, а кто-то вспомнил о тех недавних временах, когда ФН считалась «буржуазным словосочетанием», а законным считалась только методология науки. Показательно, однако, что никто не попытался проанализировать то, что Порус предлагает в качестве собственного предмета ФН – изучение человеческой свободы в сфере научного познания. Зато сам докладчик в ответном слове еще раз четко обозначил, что предмет ФН – не устройство наших НИИ, не социально-психологическая обстановка в наших лабораториях и даже не правила образования и преобразования научных суждений (хотя все это очень важно и интересно), но «условия, при которых возможно научное познание, осуществляемое свободно определяющим себя, свою персональную судьбу человеком»⁸.

3. Исходным недостатком этого яркого и по-своему замечательного полемического доклада следует считать попытку одновременного решения двух задач – теоретической и практической. Первая состоит в том, чтобы найти для ФН такое применение, на которое не смогла бы претендовать ни одна из науковедческих дисциплин. Вторая – в том, чтобы убедить власти предрасположенные не изгонять философию из системы высшего образования, а науковедов – не исключать философов из числа грантополучателей. Когда теоретические вопросы решаются и по практическим мотивациям – а здесь этот случай, – их решение уже а priori должно быть проблематичным. Но достаточно ли мотивированы и сами практические мотивации?

Думаю, что вряд ли. Хотя многие чиновники от философии рассказывают, каких подвигов им стоит защита философии от постоянно покушающихся на нее «технарей», они делают это в значительной мере ради доказательства собственной востребованности. Россия – страна идеократическая, а таковая без философии никак обойтись не может. Далее, философия престижность у нас не потеряла (как не потеряла ее нигде), и само количество людей, стремящихся ко второму философскому образованию, о том свидетельствует. Правда, «служение» философии советскому режиму и последовавшие саморазоблачения философов действительно не способствовали росту ее рейтинга в глазах общественности, но долго ли еще будут помнить тот режим? Поэтому если кого философии у нас и следует бояться, так это не столько «технократов», сколько самих философов. И когда

⁸ Порус В.Н. Указ. соч. С. 76.



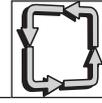
кто-то мучительно ищет ту нишу, из которой ФН уже никем не может быть вытеснена, это действительно кого угодно может навести на сомнения в том, нужна ли она вообще⁹.

Что же касается алармизма автора доклада по поводу места философов науки среди «бригады» грантополучателей, то можно только подивиться степени его наивности, когда он полагает, будто проблемы единства научной картины мира и языка науки вызовут у «бригады» снисходительную улыбку, а вот проблема условий осуществления человеческой свободы в форме науки заставит примолкнуть всех науковедов из тех, кто еще сомневался, следует ли делиться деньгами с философами. И не скажут ли эти социологи, психологи, когнитологи и т.д., что нынешние философы науки хотят вешать им лапшу на уши еще более бесцеремонно, чем прежние?..

Что касается проблем собственно теоретических, то в докладе решаются снова две задачи: дезавуирование того, что понимается, как правило, под предметом ФН, и обоснование того, что вместо этого предлагает докладчик. И здесь следует признать, что он прав в главном – если ФН претендует на определенную «статусность», то у нее должна быть и своя предметность. Вопрос только в том, убедителен ли он в разоблачении общепринятого и в замене его на им предлагаемое.

Если обобщить то, почему Поруса не устраивают четыре принятые предметности ФН (напомним, что это единство научной картины мира, предпосылки научного знания, язык науки и конструирование общей теории науки), то это (1) их устарелость, «архаичность» в качестве философских; (2) тот факт, будто тем, что как-то им соответствует, занимаются в настоящее время (притом успешнее) и нефилософы; (3) сама сложность (например, в связи с проблемой демаркации), а также громоздкость и трудоемкость этих проблем. Однако, во-первых, мы имеем дело с типичным случаем аргументации по разным основаниям, а во-вторых, ни один из этих аргументов не является валидным сам по себе, что ослабляет и их кумулятивную убедительность. По поводу (1) можно сказать, что философия вообще занимается не то что устаревшими, но «вечными» проблемами, которые не теряют своей актуальности в течение не то что столетий, но и тысячелетий. Например, если взять такую область, как метафизика, то проблемы совместимости (соответственно, несовместимости) всемогущества Высшего Существа со свободой человеческой воли, а его благодати с наличием зла или психофизическая проблема волнуют нынешних аналитических философов никак не меньше, чем современников Будды и Платона. На (2) можно возразить, что из того, что спе-

⁹ Поэтому в известной мере можно понять того участника дискуссии (В.Г. Борзенков), который порадовался тому, что на докладе Поруса члены ВАКа не присутствовали.

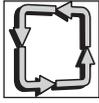


циалисты *A*, *B* и *C* занимаются в рамках своей компетенции тем *X*, которым раньше занимался преимущественно специалист *D*, никак не вытекает, что *D* здесь нечего делать, но только то, что *X* допускает применение к себе различных компетенций. Не приходит же никому в голову считать, что если языком занимаются конкретные лингвистические дисциплины, то лингвофилософия должна либо согласиться на «эвтаназию», либо придумывать для себя какие-то «неповторимые» проблемы типа свободен ли я или несвободен (будем следовать логике Поруса-Межуева), пользуясь своим родным языком. Наконец, в связи с (3) хочется заметить, что философии совсем не следует дистанцироваться от сложных и «громоздких» вопросов. Философия никогда (во всяком случае до эпохи массового потребления) не мыслилась как развлечение и считалась доступной только людям терпеливым и педантичным, готовым (со времен по крайней мере платоновского Сократа) монотонно обсуждать в течение длительного времени, казалось бы, давно ясные для нефилософов материи.

Но в том, что автор доклада предлагает в качестве альтернативы дезавуированным им темам ФН, обнаруживается еще больше нестыковок (речь идет о приведенной цитате из Межуева и о том, что из нее следует). Попробуем их подсчитать. Во-первых, Порус пытается защитить Межуева от упреков в европоцентризме, но приведенная цитата (см. выше) никак не позволяет в справедливости данного упрека усомниться, ибо тот исключает всех, кроме греков и их «потомков», из «философского процесса» за отсутствием в их случае «рационального языка общения и публичной дискуссии лично свободных людей». Во-вторых, полностью принимая данную формулировку, Порус принимает на себя и все бремя лежащей в основе этого европоцентризма историко-философской некомпетентности: дело в том, что философия в Индии полностью (в V в. до н.э.), а в Китае отчасти (в IV в. до н.э.) формировалась, как и в Греции, в условиях публичных диспутов (участниками которых были также отнюдь не рабы) и, как и в Греции, сами эти диспуты оказались возможными благодаря «рациональному языку общения» – в виде общезначимой (а не контекстной) рациональной аргументации¹⁰. В-третьих, автор совершает вместе с Межуевым ошибку, которая всегда называлась подменной понятий (и в европейской теории аргументации, и в неевропейской – индийской): из неправильной посылки о том, что *только в Европе философия родилась из свободной дискуссии*, делается ложное заключение, что основным предметом европейской философии на протяжении всей ее истории была *проблема свободы*¹¹. В самом деле, из того,

¹⁰ Подробнее см.: Шохин В.К. Индийская философия. Шраманский период (сер. I тыс. до н.э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

¹¹ С точки зрения логической валидности это похоже на то, чтобы из посылки, будто люди – летающие поросята, сделать заключение, что они должны быть и трехглазыми.

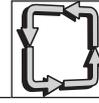


что я могу свободно обсуждать атомистическую структуру материи или математические теоремы, никак не следует, что на деле меня интересует не это, а чем должна быть сама свобода.

В-четвертых, помимо этого ложного логического следования, не приведено никаких обоснований того, что именно данная проблема, и только она, является профильной для всей европейской философии. Несомненно, что здесь мы имеем дело с модификацией марксистской концепции «основного вопроса философии», смысл которой заключался в том, что какими бы проблемами ни занимались философы, на самом деле их либо интересовало только, первична ли материя или дух (даже когда они сами себе в том не признавались), либо все, что они делали, «провиденциалистски» содействовало тому или другому решению все того же вопроса. Межуев с Порусом предлагают другой вопрос в качестве «основного», но, как и те марксисты, беспроблемно транслируют самих себя в историю философии. Нет сомнения, что проблема свободы и ее сущности относится к важнейшим. Но почему только она? Почему также не проблема критериев достоверного знания (которая, в частности, разделила аналитических эпистемологов на экстерналистов и интерналистов), границ априорного и апостериорного или онтологического статуса универсалий? Потому что это проблемы чисто умозрительные, а не экзистенциальные? Тогда что нам мешает обратиться к соотношению души и тела, личному бессмертию, аргументам в пользу существования Бога, Божественным атрибутам, возможности познания сверхчувственных объектов, к проблеме теодицеи и многим другим «топикам», которые в качестве «основных вопросов философии» документированы многими памятниками европейской мысли? Поэтому от навязывания философии «одной-единственной» основной проблемы есть все основания отказаться, а следовательно, и от «вчитывания» ее в этом качестве в проблематику ФН.

В-пятых, допускается ошибка смешения части и целого и при подобной «деконструкции» ФН. Ведь если проблема свободы – основная в философской антропологии, а ФН – приложение ее к субъекту научного познания, то скорее антропология должна «фундировать» ФН, а не наоборот. В-шестых, если развивать межуевско-порусовскую концепцию до логического завершения, то получится, что и философия физики, и математики, и биологии, и логики и чего бы то ни было другого должна будет заниматься «условиями, смыслом и формами человеческой свободы» во всех перечисленных сферах, но смогут ли в таком случае соответствующие философии заворочить нас богатством своего содержания?!

В итоге мне представляется, что ФН не следует, отказываясь от своей общепризнанной проблематики, измышлять себе «антропологическую»: в результате этого неравного обмена ее потери окажутся несопоставимо большими в сравнении с приобретениями. Ей и далее

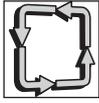


ФИЛОСОФИИ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

следует заниматься такими «скучными» делами, как критический сопоставительный анализ определений науки, разработка ее сущностных характеристик, проблема демаркации научного и ненаучного, а также критерии типологизации основных и промежуточных разновидностей научного знания, выяснение корреляций науки и мировоззрения, науки и философии, науки и культуры, научные парадигмы и их смена и т.д. Но то же относится и к другим философиям родительного падежа, например к двум важнейшим из них, которые относятся уже к «гуманитарной философии». Так, философия религии и философия культуры никак не могут избежать такой «мелочной работы», как критический сопоставительный анализ определений соответственно религии и культуры или установление сущностных характеристик одной и другой, типологизация их разновидностей, их взаимоотношения с философией и друг с другом. Разумеется, в каждом случае необходимо учитывать «локальные особенности». Так, для философии религии древняя проблема происхождения религии¹² является более актуальной, чем для ФН происхождение науки или для философии культуры – происхождение культуры, тогда как для философии культуры все проблемы «удваиваются» в связи с тем, что культура имеет в качестве полноправного понятийного коррелята цивилизацию (тогда как наука и религия коррелятов такого уровня не имеют). Или другой пример: если для ФН и философии религии актуальна классификация разновидностей науки и религии, то для философии культуры гораздо важнее проблема стратификации «культурного» (различения материальной, социальной, духовной культуры с дальнейшими делениями).

Что же касается взаимоотношения философий родительного падежа с «соседними территориями», то здесь вряд ли следует придумывать что-то существенно отличное от конструктивного и вполне естественного взаимообмена. Очевидно, что «философии чего-то» не могут игнорировать того, что происходит в сферах исследования тех «чего-то», философиями которых они являются. Однако и они в свою очередь имеют эпистемическое право (и должны им пользоваться) на осмысление и даже организацию пространства смежных междисциплинарных дискурсов (в одном случае это дисциплины науковедческие, в другом – религиоведческие, в третьем – культурологические). Разумеется, только во времена А. Шопенгауэра можно было предполагать, что науки без философии никак не могут приносить своих плодов («Мир как воля и представление». II.2.12), но то, что философия просто не может (по самой своей «конституции») не брать на себя «метатеоретические обязательства» по отношению к «соседям»,

¹² Сводима ли она к другим, социальным и психологическим способам существования человеческого бытия или является «атомарным», не сводимым к ним параметром человеческого существования.



также очевидно. И это было очевидно не только для европейцев¹³. Философии не надо только спрашивать у «соседей» право на свое существование и доказывать, что она на что-то может пригодиться, – ее общественная польза заключается прежде всего в самом ее существовании, и никто, кроме самих философов, начиная с Конта на это положение всерьез не покушался.

¹³ Так, можно вспомнить о знаменитом индийском трактате по государственному управлению «Артхашастра» (1.2), где коррелируют «философии» (как род по отношению к конкретным философским направлениям как видам), *ānvīkṣikī*, наделяется компетенциями в различении истины в других дисциплинах, выбранных для обучения царя, таких, как Три Веды, государственное управление и экономика.